

ВЕНТВА ЗА РУССКИ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

РУССКИЙ
ПУТИ

ВЕКТО
ПРОГРАММ
ВРА

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Русский путь. Вектор, программа, враги
Серия «Битва за Россию»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8251508

Русский путь. Вектор, программа, враги / Сергей Кара-Мурза.: Алгоритм; Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0819-2

Аннотация

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – известный российский ученый, политолог и публицист, автор нескольких десятков произведений, в том числе ставших классикой российской политологии и социологии («Манипуляция сознанием», «Советская цивилизация» и др.).

В своей новой книге С.Г. Кара-Мурза касается важных и актуальных для нашей страны вопросов: как создать государственную идеологию России, какие основные моменты должны быть в ней отражены, что подразумевается под «русским путем развития», какие черты политики, экономики, социальных отношений присущи России, в чем сходство и в чем отличие российской и западной цивилизаций.

Отдельной темой проходит в книге борьба сторонников русской идеологии с либералами-западниками – последние, как доказывает автор, нанесли в свое время страшный удар по советской модели цивилизации, сохранявшей основы «русской матрицы», а теперь безжалостно уничтожают ростки возрождающегося русского национального сознания. Кара-Мурза называет этих воинствующих разрушителей «наследниками Троцкого», потому что подобно «демону революции» они готовы принести Россию в жертву «мировому прогрессу».

Содержание

Раздел I	4
«Шестидесятники»	4
Великий поход против СССР	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Русский путь. Вектор, программа, враги

Раздел I

Русское общественное сознание и гуманитарная интеллигенция

«Шестидесятники»

Как сказал Г. Плеханов, «нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания».

Политическое действие, которое приводит к какому-то сдвигу в общественных отношениях, — это «исторический факт». Это действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании группы людей. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Многие философы утверждают это в разных выражениях. Как подчеркивал один из ведущих социологов современности П. Бурдьё, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира».

Когнитивный бунт — это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе *недовольство* этой действительностью к «политическому бунту» не ведет. Например, в настоящий момент большинство населения России не просто недовольны реальностью, но испытывают страдания. В 2011 г. Институт социологии РАН опубликовал большой доклад, подводящий итоги исследований восприятия реформы в массовом сознании — с начала реформ до настоящего момента. Большой раздел посвящен «социальному самочувствию» граждан, то есть состоянию их духовной сферы.

В докладе сказано: «Рассмотрим ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнем с самого распространенного по частоте его переживания чувства **несправедливости всего происходящего вокруг**. *Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90 %), при этом 46 % испытывали его часто.* На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространенностью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда — весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7—10 %. Это свидетельствует не просто о *сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах ее граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы*» [1].

Почему же у массы страдающих людей не возникает попытки организовать, чтобы совместно разобраться в причинах своей беды и вариантах действий для того, чтобы воздействовать на социальную действительность с целью ликвидации или хотя бы ослабления этих причин? Потому, что их когнитивная структура, т. е. весь инструментарий их мышления и «видения мира», сформированный в 1990-е гг., не изменился. После 2000 г. он совершенствовался всеми средствами, которыми располагали власть имущие, и сегодня охраняется средствами воздействия на массовое сознание. Пока что для этого достаточны экономиче-

ские и культурные средства, сила применяется в небольших порциях. Признаков когнитивного бунта пока нет, процесс обновления инструментов мышления требует времени и усилий всех социокультурных групп и, прежде всего, интеллигенции.

Одно из необходимых усилий – изучение уроков истории, и прежде всего истории близкой, лучше всего отечественной, которая творилась на нашей культурной почве. Здесь нам очень повезло – мы пережили катастрофу крушения советского строя (те, кому за 35). «Чем эпоха интересней для историка, тем для современников печальней». Как же был подготовлен тот когнитивный бунт, который обернулся тяжелейшим ударом по жизни большинства нашего населения? Кто и как подготовил то «известное состояние сознания», в котором люди равнодушно, или даже аплодируя, отдали свое национальное достояние ничтожному меньшинству, которое ничем его не заслужило?

Как известно, во время перестройки верхушка КПСС с помощью идеологической машины и используя «недоброжелательное инакомыслие» большей части интеллигенции, сумела разрушить ту «мировоззренческую матрицу», которая служила основой легитимности советского общественного строя и его политической системы (СССР). Для этого не требовалось, чтобы большинство населения заняло антисоветскую позицию, было достаточно, чтобы в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на существование СССР. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то организованные заинтересованные силы способны сменить социальный строй и политическую систему. А такие силы имелись и в стране, и за ее рубежами.

Сдвиг интеллигенции к идее перестройки экономики и перехода к частному предпринимательству происходил быстро и вопреки установкам основной массы населения. Это отражено в большом докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады «Есть мнение» (1990 г.) [110]. В общем, вывод авторов книги таков: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [110, с. 83].

Мы не можем сказать, какая доля интеллигенции была «носителями радикально-перестроечных идей», но можем утверждать, что эта часть была достаточна, чтобы подготовить и осуществить «когнитивный бунт, переворот в видении мира», необходимый для «политического бунта» 1991 г. Критическая масса интеллигенции обладала разнообразием, квалификацией и влиянием, чтобы выполнить свою миссию по подрыву легитимности СССР. Остальное было делом техники для партийно-государственной верхушки и ее внешних союзников.

Здесь мы не будем рассматривать структуру элиты советской интеллигенции, которая стала авангардом перестройки. Это большая тема, и ее сначала надо «переварить» по частям. Отмечу только, что все части этого авангарда выполняли важные функции, как разные рода войск в большой операции. Некоторые авторы выделяют ту или иную функцию как решающую¹. Но, скорее, победа была достигнута именно благодаря системности воздействия на сознание населения.

В принципе, более чем за полвека до перестройки Антонио Грамши весьма точно предсказал, какими средствами воздействия на сознание интеллигенция укрепляет или разрушает легитимность общественного строя (он использовал понятие *культурной гегемонии*). Но в наше время примерно о том же пишут современные культурологи и социологи, оче-

¹ Например, важную роль в подтачивании легитимности СССР сыграли юмористы, начиная с конца 1950-х годов, с А. Райкина. Видный социолог Г.С. Батыгин (1951–2003) писал: «Риторика обновления в значительной степени основана на парадоксе и оксюморе, легко преодолевавших бинарные оппозиции советской языковой системы, смехе, пародировании прецедентных текстов и рецитаций... Смех и парадокс, внедренные в социальный дискурс, разрушили легитимационные устои советского государственного устройства» [3, с. 41]. Это так, но разрушили, действуя как элемент системы.

видцы и участники разрушения СССР. Отвлечемся от того, ликовали они при этом или страдали. Они оставили важные наблюдения.

Г.С. Батыгин дает такое общее определение: «Интеллектуалы и публицисты артикулируют и обеспечивают трансмиссию “социального мифа”: идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Они устанавливают критерии селекции справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном. Любая тирания уверенно смотрит в будущее, если пользуется поддержкой интеллектуалов, использующих для этого образование, массовую информацию, религию и науку. Но, если альянс власти и интеллектуалов нарушен, происходит кризис легитимности и реформирование системы...»

Причины социальных трансформаций обычно усматриваются в противостоянии власти и народа. Принято ассоциировать “тоталитарную власть” с силами зла и репрессии, а “народ”, по определению, воплощает начала добродетели и справедливости. Вероятно, эта точка зрения основана на мистификации “власти” и “народа” и не объясняет кризисы легитимности, которые возникают внутри институтов власти и лишь затем мобилизуют “народные” социальные движения. Не исключено, что кризис легитимности коммунистического и посткоммунистического режимов в России связан преимущественно с позиционным конфликтом в дискурсивном сообществе, “новом классе”, который был классом пришедших к власти людей “литературного сословия” (*ordo literatorum*), идеократии, и участвовал в конституировании социальных порядков до конца 1980-х гг., когда альянс власти и интеллектуалов был разрушен» [3, с. 45]².

Примерно так же видит главную суть столкновения перестройки и «бархатных» революций П. Бурдье. Он пишет: «Все заставляет предположить, что в действительности в основе изменений, случившихся недавно в России и других социалистических странах, лежит противостояние между держателями политического капитала в первом, а особенно во втором поколении, и держателями образовательного капитала, технократами и, главным образом, научными работниками или интеллектуалами, которые отчасти сами вышли из семей политической номенклатуры» (см. [4]).

Здесь, помимо того что указывается на роль интеллектуалов в выполнении основного объема работы по делегитимации советского строя, предлагается гипотеза о критическом значении *элиты* гуманитарной интеллигенции – той части «литературного сословия», которая стала уже сама *частью власти*. Речь идет не о чиновниках, а о руководителях СМИ, учреждений культуры и общественных наук, влиятельных советниках высшего эшелона партийной и государственной власти.

Один из ведущих советских марксистов и социологов Б.А. Грушин, в 1960-е гг. работавший в Праге в редакции журнала «Проблемы мира и социализма»³, писал в воспоминаниях: «Когда я вернулся из Праги, то обнаружил, что многие мои приятели по журналу

² Здесь приводится много выдержек из работ Г.С. Батыгина (1951–2003). Это был умный человек с научным типом мышления. Он один из немногих социологов занимался изучением когнитивной платформы советского и постсоветского обществоведения. Кроме того, он был вхож в элиту этого сообщества, более того, во время перестройки занял антисоветскую позицию, и его суждения об этой элите нельзя назвать пристрастными. Он сказал в интервью: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, т. е. вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до сих пор, моя судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось. А сейчас есть огромные возможности – это величайшее благо» [30].

³ В группе работавших там гуманитариев в сентябре 2010 г. был показан по телевидению на канале «Культура» восьмисерийный фильм «Отдел (шестидесятники)», как сказано, «удивительным образом реконструирующий возрождение свободной философской мысли в советской России конца XX века». Пресса писала о фильме: «Люди, чьи имена делают честь нашей философской культуре, – Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Александр Пятигорский, Эвальд Ильенков, Эрих Соловьев, Карл Кантор, Юрий Левада, Борис Грушин предстанут в нем неожиданно крупным планом и в неожиданной полноте образа времени».

(Амбарцумов, Арбатов, Жилин, Загладин, Фролов) пошли в большую политику. Из нашего круга, по-видимому, лишь мы с Мерабом (а потом Араб-Оглы) не сделали этого. И просто потому, что, как сказал однажды Мераб, мы никогда не были “шестидесятниками”, “родились немного раньше” и “никогда не участвовали в чужих войнах, ведя свои”» [10].

Упомянутый здесь Мераб Константинович Мамардашвили, который в кругах либеральной интеллигенции считается крупнейшим советским философом и который работал в Праге в редакции этого журнала в 1961–1966 гг., говорил в интервью в 1988 г.: «Вскоре после 1956 г. можно было наблюдать сразу на многих идеологических постах появление совершенно новой, так сказать, плеяды людей, в то время сравнительно молодых, которые отличались прогрессивным умонастроением и определенными интеллигентными качествами. Ну, скажем, там были такие люди, как Вадим Загладин, Георгий Арбатов – это мои бывшие коллеги по Праге начала 60-х гг. Борис Грушин, Юрий Карякин, Геннадий Герасимов... Иван Фролов, Георгий Шахназаров, Евгений Амбарцумов. И всю эту плеяду людей собрал в свое время Румянцев Алексей Матвеевич. В последующем редактор “Правды”, а потом вице-президент Академии наук.

Многие из них – после Праги – пошли на важные идеологические посты. Возвращаясь, они практически все ... пополняли и расширяли так называемую интеллектуальную команду в политике и идеологии... Очевидно, все они участвуют сегодня в написании политических и других текстов в аппарате ЦК... Большинство из них ко времени Горбачева оставалось на своих постах. Они служили» [11]⁴.

Таким образом, в процессе перестройки, приведшей к краху СССР, нет и следа «народной революции» или тяжелого экономического кризиса, который бы толкнул трудящиеся массы на баррикады. Кризис был создан самой властью «новой формации», начавшей демонтаж советской хозяйственной системы в 1988 г., а годом позже – и политической системы.

Г.С. Батыгин указывает на этот важный факт: «Ни “крестьянские войны” и голод в деревне, ни массовые репрессии, ни низкий уровень жизни не поставили под вопрос существование коммунистического режима. Его крах стал следствием разрушения “социальной теории” и конфликта в дискурсивном сообществе в относительно стабильных политических и экономических обстоятельствах. Он был предуготовлен движением “шестидесятников” и вступил в критическую фазу в период “плюрализма мнений”, обозначенного атакой “докторальной публицистики”, которая стала играть роль альтернативного мозгового центра страны. Атака исходила от идеологических изданий, в числе которых был и теоретический орган ЦК КПСС журнал “Коммунист”. Реформирование “социальной теории” осуществлялось публицистами перестройки путем форсирования моральных требований правды, справедливости, подлинной демократии и свободы» [3, с. 58].

Здесь – важная и четкая формулировка того факта, на который в разных формах указывали многие авторы: крах СССР «предуготовлен движением “шестидесятников”». Но «шестидесятники» – это особая общность элитарных советских интеллигентов, принадлежащая к конкретному поколению. Оно сформировалось во второй половине 1950-х гг., во время «оттепели» Хрущева. Г. Павловский писал так: «Небольшая прослойка оппозиционно настроенной интеллигенции, условно именуемая “шестидесятниками”».

⁴ Интеллектуалы, которых приближали к власти, были людьми в некоторых отношениях отборными. Они были «идеологическим спецназом», а не учеными, ищущими истину. Г.С. Батыгин писал: «Советская интеллигенция в большинстве случаев стремилась в партию, но партия имела основания сторониться экстатического дионисийского начала в интеллигентском дискурсе, вполне резонно предполагая в нем разрушительные тенденции. Оставшаяся от сталинского партийного аппарата дисциплина “ордена” проводила жесткую границу между властью и интеллектуалами, и данное обстоятельство стало одним из механизмов разрушения режима» [3, с. 43].

Элитарность этой прослойки определялась не социальным происхождением, а уровнем образования. Советские интеллигенты к 1950-м гг. осознали себя «благородным сословием», ответственным за судьбы России. Один из высших авторитетов советской философии М.К. Мамардашвили так описал типичный портрет шестидесятника в его развитии: «Нормальный опыт людей моего поколения, связанного с идеологией, такой жизненный путь, точкой отсчета которого были марксизм или социализм и вера в идеалы марксизма и социализма... И все они проходили этот путь, следуя той системе представлений и образов, что были завещаны революцией...

Значит, тот, кто проходил этот путь, осознавал себя, в отличие от консерваторов и догматиков, в терминах... порядочности и интеллигентской совести. И когда наступила хрущевская “оттепель”, то это было, конечно, их время. Для них это была эпоха интенсивной внутренней работы, размышлений над основами социализма, попыткой изобретения новых концепций, которые исправили бы его искажения и т. д. Например, они активно включились в разработку известной хрущевской программы о приближении коммунизма. Были буквально вдохновлены ею... Многие этим занимались. Появились такого рода люди в ЦК, в виде советников и референтов, в издательствах, газетах и т. д. Причем часто на ключевых позициях» [11]⁵.

А.Н. Яковлев писал в 2001 г.: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще» [44, с. 14].

Часть шестидесятников почти сразу сдвинулась к открытому инакомыслию, критическому по отношению к политической системе СССР – они стали *диссидентами*. Каковы масштабы этой прослойки, можно судить по оценкам самих участников протестов, которые вели исторические изыскания: «С 1965 г. в петициях, заявлениях, протестах приняло участие, по грубой оценке, около 1500 человек, в основном научная и творческая интеллигенция» (оценки Богораз Л. и др., 1991).

Тем не менее, директор Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) В.М. Воронков (сам поучаствовавший в «мягком» диссидентстве) пишет о шестидесятниках: «Это поколение, ставшее поставщиком ресурсов для движения протеста, сыграло решающую роль в подготовке революционных изменений в обществе, которые произошли три десятилетия спустя» [5]. Численность – не главный фактор. Шестидесятники были «дрожжами», и в период мировоззренческого кризиса советского общества (1960–1990 гг.) снабжали дезориентированных этим кризисом людей идеями, языком, песнями и анекдотами.

Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» – издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции. В СССР индустрия «самиздата» расцвела в 1960-е гг., и к 1975 г. ЦРУ разными

⁵ Уже в 1970-е годы интеллектуальная бригада Брежнева была укомплектована шестидесятниками. А.Н. Яковлев вспоминает: «Какая-то часть Политбюро (Тихонов, Гришин, Суслов и др.) вела атаку на рабочее окружение Брежнева, авторов его речей (Иноземцева, Арбатова, Бовина, Загладина, Шишлина, Александрова-Агентова, Цуканова и др.), обвиняя их в том, что они “сбивают с толку” Брежнева, протаскивают ревизионистские мысли» [39, с. 377].

способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов. В «точке бифуркации», в ситуации неустойчивого равновесия, диссиденты очень помогли антисоветским силам толкнуть процесс к гибели СССР (подробнее см. [6]).

В 1960-е гг. общность шестидесятников разделилась: одна ее часть, количественно небольшая, стала «диссидентами», начав открытую борьбу (в сфере сознания) с политической системой СССР, другая часть стала делать карьеру внутри политической системы, сражаясь с властью. Ведущие институты Секции общественных наук АН СССР в лице их ведущих сотрудников были напрямую связаны с ЦК КПСС. А.Н. Яковлев вспоминал о своей работе директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО): «Практически институт считался как бы научно-исследовательской базой ЦК, выполнял разные поручения, готовил десятки справок (например, работники международного отдела ЦК очень любили перекладывать собственную работу на институты). Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства, что считалось “большим доверием”. А те, кому “доверяли”, были людьми, как правило, с юмором. Когда начальство произносило “свой” текст, его авторы садились у телевизора и комментировали это театральное представление: «А вот этот кусок мой», “А вот эту чушь ты придумал”, “А теперь меня читает”. Смеялись. А на самом-то деле на глазах творился постыдный спектакль абсурда» [39, с. 380].

Я бы сказал, тут проявилось не чувство юмора, а *ressentiment*.

В 1970-е гг. произошло размежевание шестидесятников с «почвенниками». В некоторой мере эти части воссоединились в ходе перестройки и образовали «интеллектуальную элиту» антисоветского режима, который установился в России.

Строго говоря, эта социокультурная группа уже в преддверии перестройки оторвалась от той общности, которую обозначали термином «русская интеллигенция». Перестройка и реформа (а точнее, мировоззренческий кризис с 1960-х гг.) изменили ценностную платформу этой «элиты», устранив из нее те нравственные ценности, которые и были отличительным признаком интеллигенции.

Вспомним историю самого понятия «интеллигенция». О.К. Степанова пишет об этом: «Интеллигенция... В нашей стране названное понятие было “запущено” еще в 70-е годы XIX в. популярным в то время писателем П. Боборыкиным... Понятие интеллигенции тогда и некоторое время спустя в России имело совершенно четкую духовно-политическую атрибутику – *просоциалистические взгляды*. Этот ее признак в начале XX в. для многих был еще достаточно очевиден... В межреволюционный период вопрос о судьбе интеллигенции ставился в зависимость от ее *отношения к капитализму*: критическое – сохраняло ее как общественный феномен, а лояльно-апологетическое – уничтожало. А вот сегодня отношение к социальной проблематике практически не упоминается среди возможных критериев принадлежности к интеллигенции» [7].

Пока неясно, может ли сохраниться при таком повороте сам феномен русской интеллигенции. Н. Бердяев считал критерием отнесения к интеллигенции «увлеченность идеями и готовность во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь», при этом речь шла о таких идеях, где «правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью». Если так, то статус интеллигенции сразу теряет та часть образованного слоя, которая в конце 1980-х гг. отвергла ценность справедливости и заняла лояльно-апологетическую позицию в отношении капитализма (причем даже не «культурного» европейского, а «реального» российского). Эту позицию заняла очень существенная часть, особенно в элитарных группах гуманитарной интеллигенции.

О.К. Степанова продолжает, уже конкретно относясь к интеллигенции периода после 1990 г.: «Антитезой “интеллигенции” в контексте оценки взаимоотношения личности и мира идей, в том числе – идей о лучшем социальном устройстве, являлось понятие “*мещан-*

ство”. Об этом прямо писал П. Милюков [в “Вехах”]: “Интеллигенция, безусловно, отрицает мещанство; мещанство, безусловно, исключает интеллигенцию”...

Интеллигенция в России появилась как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи видимой реальности с идеальным миром, который для части людей ощущался как ничуть не меньшая реальность. Она стремилась, во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”, ведущего к отказу от духовных приоритетов. Под лозунгами социализма, став на сторону большевиков, она создала, в конечном итоге, парадоксальную концепцию противостояния неокрестьянского традиционализма в форме “пролетарского государства” – капиталистическому модернизму» [7].

Посвятив себя «втягиванию страны в зону абсолютного господства *золотого тельца*», элитарная часть той общности, которую обозначали словом «интеллигенция», совершила радикальный разрыв с этой общностью, что привело к ее дезинтеграции – «трудовая интеллигенция» пока что в новую общность собраться не может. Более того, «либеральная интеллигенция» в большинстве своем встроилась в новые общности «победителей» как идеологи, предприниматели, эксперты и управленцы. Они были интеллектуальным авангардом анти-советских сил и имеют право на свою долю трофеев.

В настоящее время многие идеологи антисоветских движений открещиваются от своего участия в том мародерстве, который учинили в стране победители «демократической революции». Например, В.М. Воронков пишет: «В период перестройки на сцену выходят новые поколения. По мере радикализации движения роль “шестидесятников” постепенно уменьшается. И, во всяком случае, уже не они воспользовались плодами революции...» [5].

Что роль шестидесятников во время перестройки уменьшилась – не отвечает действительности. Практически вся интеллектуальная команда М. Горбачева и половина команды Б. Ельцина – из этой общности. Что шестидесятники и диссиденты не воспользовались плодами революции – мало кого волнует в России на фоне катастрофы. Да ведь это и неправда – большинство их очень даже воспользовались!

Зачем далеко ходить – сам В.М. Воронков всего-то занимался самиздатом и был осужден на 2 года условно, работал рядовым научным сотрудником в АН СССР, но как изменился его статус с победой революционеров! Он рассказывает в интервью: «В 1988 г. мы с единомышленниками организовали секцию исследований общественного движения при социологической ассоциации. А спустя два года я создал собственный институт. С тех пор я чувствую, что реализовал свою мечту о свободе» [8].

Создал собственный институт! Это, мол, при демократии каждому доступно, а не только бывшему диссиденту. На сайте этого института (ЦНСИ), расположенного в Санкт-Петербурге, читаем, на какие деньги создаются такие институты: «[В 1993 г.] благодаря кредитной помощи зарубежных коллег Центр стал собственником переоборудованной в офис четырехкомнатной жилой квартиры... В течение ряда лет ЦНСИ энергично развивался, получал все больше грантов от зарубежных фондов... С 2000 г. начинается третий этап развития Центра, что связано, прежде всего, с выделением Фондом Форда гранта на покупку нового помещения для ЦНСИ.

В 2001 г. от Фонда Дж. и К. Макартуров был получен первый в истории ЦНСИ грант на институциональное развитие института (с этого времени Центр получает существенную поддержку со стороны этого фонда). Институциональные гранты позволили Центру существенно обновить необходимую для работы инфраструктуру и сделать ее доступной для еще большего числа людей, дали ЦНСИ возможность расширить географию своей деятельности и внедрить новые формы работы с молодыми учеными, в первую очередь – образовательные.

Новые условия предоставляют возможности для дальнейшего развития Центра, проведения социологических исследований и подготовки нового поколения социологов. В настоящее время в Центре работает около 40 человек» [9].

Можно также понять, мечту о какой свободе смог реализовать ученый при таком финансировании. Как сообщает Интернет, он развивает новое направление социальной науки – «качественную социологию». Что это такое, В.М. Воронков поясняет корреспонденту газеты: «Сейчас, к примеру, власть стремится сохранить безусловный идеологический конструкт – победу в Великой Отечественной войне. И там огромное количество фальсификаций. Мы делали интервью в разных деревнях Смоленской и Новгородской областей, которые были оккупированы немцами. Оказывается, к гитлеровцам крестьяне относились лучше, чем к советским воинам. Опрошенные вспоминали, что самыми вредоносными были красные партизаны, которые реквизируют все запасы и требовали, чтоб им помогали» [8]. Да, для получения щедрых грантов от зарубежных фондов важно качество респондентов, а не их численность в населении.

Поражение СССР и последующие изменения всего жизнеустройства страны – это результат действия разных заинтересованных сил и групп, шестидесятники и диссиденты – очень важный, но небольшой элемент этой системы. Нельзя поэтому воспринимать, как это по инерции делают многие, результат перестройки как *буржуазную* контрреволюцию. Более того, на тропу войны против СССР шестидесятники вышли как восторженные романтики, пылающие коммунистическим энтузиазмом, – они хотели исправить наш «казарменный социализм». Потому-то к ним и потянулась молодежь, особенно студенты.

Надо отметить, прежде всего, *поэтичность* их протеста. Никакая разумная идея не «овладеет массами», если ее не будут сопровождать поэт и певец (а сейчас еще и клоун). «Семантика убеждает, эстетика соблазняет» (А. Моль). Эту синергическую систему советская власть расщепить не сумела – не имела она общественной науки в строгом смысле слова.

Г.С. Батыгин писал: «Формирование сословия советских интеллектуалов в 1960-е гг. было сопряжено с изменением стилистики публичного дискурса: люди “болели” стихами. В списках распространялись стихи А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Бродского. Знание стихов стало своеобразным паролем для доступа в интеллигентский круг. Страсть к стихам породила и первые выступления против власти. 29 июля 1958 г. в Москве был открыт памятник Маяковскому. Поэты читали стихи. Затем возникла спонтанные выступления, и чтения стихов стали происходить регулярно. Участниками встреч были преимущественно студенты. Когда власти попытались воспрепятствовать поэтическим сходкам, возникло сопротивление» [3, с. 56].

Сложнее понять ту революционную коммунистическую страсть, которая сплотила шестидесятников. Б. Окуджава пел: «Я все равно паду на той, на той единственной Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», – и элитарная публика приходила в экстаз. Как из этой точки двигалось сознание советской интеллигенции и самого поэта к идеалам криминального капитализма? Этот феномен мы не скоро поймем, его хотя бы описать получше, пока живы многие свидетели.

Г.С. Батыгин фиксирует факт: «Нельзя не учитывать, что “оттепель”, обозначившая конфронтацию (пишущей) интеллигенции и бюрократизированной власти, сопровождалась взрывом коммунистической экзальтации. Троцкистская идея перманентной коммунистической революции стала основой антисталинского движения» [3, с. 81].

В другом месте он расширяет описание этого факта: «Основной мотив критической атаки на власть заключался в демонстрации ее несоответствия коммунистическим идеалам, утраты “ленинских” принципов и бюрократического перерождения. Искренней одухотворенностью и яркостью публицистической риторики интеллектуальная атака 1960-х гг. напо-

минала ликвидированную из исторической памяти атаку троцкистской оппозиции. Как и в 1920-е годы, акцентировалось соответствие институциональных порядков принципам революционной морали – честности, бескорыстия, идейности. Предполагалось, что само слово правды преодолевает идейный и нравственный коллапс советского режима» [3, с. 55].

Это был сложный и мощный порыв – его удалось подавить, но он оборотился в нечто еще более разрушительное и к тому же мерзкое. Ведь большинство тех, кто причисляет себя к «шестидесятникам», постепенно, шаг за шагом сдвинулись к антисоветской позиции. Более того, в конце 1970-х гг. у них стали проявляться прозападные установки, причем именно в контексте холодной войны Запада против СССР. Они все больше и больше становились в этой войне «союзниками Запада». К концу перестройки это стало обязательным для «прогрессивного интеллигента». Г.С. Батыгин пишет: «Одним из маркеров альтернативной интеллектуально-культурной “элитности” в 1990-е годы являлась “признанность на Западе”, и сама позиция репрезентанта “западных” ценностей позволяла создать новое измерение социального статуса в российском интеллектуальном сообществе» [3, с. 13].

Повторю: какое несчастье, что в СССР и сейчас не созрели условия для научного обществоведения, которое могло бы исследовать это явление, видимо, неизбежно сопровождающее любой проект создания общества уравнилельной справедливости. Ведь через 15 лет таким же разрушительным оказался коммунистический фундаментализм польской «Солидарности». Рабочие и интеллигенция, требовавшие «большой уравнилельности», своими руками прервали мягкую социалистическую модернизацию и вручили Польшу примитивному местечковому капитализму.

Отметим еще одно свойство наших гуманитариев-шестидесятников (впрочем, не только наших, но и многих ренегатов из европейских коммунистов) – их заверения в том, что в молодости они были искренними и даже пылкими сторонниками идеи равенства и справедливости. И это говорят пожилые люди с нежностью и уважением к самим себе. К чему это обнажение души? Что за излияния и признания в любви к идее, которой они изменили и которую убивают, иногда с садизмом? Они хотят, чтобы их пожалели люди, на которых они обрушили бедствие?

Вот Булат Окуджава: «Мои родители, которых я так любил и люблю, – они были фанатичными большевиками... Я ведь сам был “сталинистом”, несмотря на то, что у меня репрессировали родителей... Такое было время. В том-то и драма». Ах, какая драма – перешел на сторону врага. Ну, перешел – так молчи или хотя бы скажи: мол, с возрастом я понял, как индоктринировали меня, ребенка, проклятые большевики.

Тут же и Е. Евтушенко, другой кумир шестидесятников: «Я ходил вместе с мамой и отцом на демонстрации и просил отца приподнять меня повыше. Я хотел увидеть Сталина. И я страшно завидовал тем моим ровесникам, которым выпала честь подносить букеты цветов Сталину» (см. [5, с. 175])⁶.

Может быть, этими своими нормальными детскими представлениями они оправдывают свой выбор в зрелом возрасте – ненавидеть советский строй и в то же время пристроиться в идеологическую элиту советской власти? Но это слишком наивно. Лучше бы они сказали, когда и какой голос свыше им был, чтобы порвать духовную нить со своими люби-

⁶ Разумеется, есть и исключения: А.А. Зиновьев рассказывает, как в юности готовил покушение на Сталина, а теперь, после гибели СССР, считает советский строй высшим достижением человечества. Он, как философ, все время старался «изменить мир». М.К. Мамардашвили, напротив, представляет себя снобом и аристократом, который и не собирается что-то «улучшать». Он якобы всегда считал СССР «черной дырой» и явился на землю как «шпион» – наблюдать, как копошатся человечки в Евразии, и думать о вечном. Как философ, он вступил в КПСС и не удосужился из нее выйти в 1989 г., потому что это – суэта, на которую не следует тратить мысли и дела («Партийность была чем-то вроде социального страхования. Поэтому я и вступил в партию»).

мыми родителями? Какое озарение к ним пришло, из какого источника? Объяснения если и бывают, то нелепые.

В.М. Воронков, из «молодых» диссидентов, описывает свою перверсию («переворачивание») так: «Я был “правоверный” советский комсомолец, хотя и слушал западное радио. В июле 1968 г. поехал в Чехословакию. Я мало что понимал, но в Чехословакии стал читать их газеты. Мне импонировал социализм с человеческим лицом... Мне казалось, вот-вот СССР станет перенимать чешский опыт. За день до ввода войск я выехал из Чехословакии, остановился во Львове... Включил приемник, помню, нашел волну BBC и услышал, что “советские войска вошли в Чехословакию”. Я был настолько потрясен, что рыдал... Вернулся в Ригу. Написал статью в университетскую газету, которая называлась “Чехословакия. Август 1968”, где обрисовал, как хорошо и замечательно было в Чехословакии и жаль, что советский народ этого не знает... Больше всего тогда впечатлило, что все мои друзья, критически относящиеся к власти, поддержали ввод войск в Чехословакию» [8].

И это в 22 года, хотя все его друзья-диссиденты поддерживали ввод войск в Чехословакию. Даже сами чехи в массе своей быстро успокоились и еще в течение 20 лет нормально жили и развивались, а он – навсегда возненавидел СССР. Как он разглядел в Дубчеке «социализм с человеческим лицом»? Ведь тогда мало кто не понимал, что вся эта ахинея о социализме и о человеческом лице – для наивных дамочек, суть в том, что пытались вырвать ЧССР из Варшавского договора и разрушить центр системы ПВО, что для СССР было неприемлемо. Но даже если в 22 года советский комсомолец еще не мог этого понять, то уж сегодня-то повторять эти байки – каково? Ведь после 1989 г., когда деятели «пражской весны» выявили свою суть, никто из их почитателей не признал, что тогда, в 1968 г., он ошибался. Дубчек вовсе не был «коммунистом-романтиком». После 1989 г. он сидел во главе парламента и штамповал все антисоциалистические законы.

Вторжение в ЧССР сплотило «шестидесятников» как антисоветскую силу. Недаром в перестройке так активны были обществоведы, исключенные из КПСС в 1968 г. за то, что писали письма с протестами. Кстати, эти исключенные из КПСС интеллектуалы составляли вроде бы опальную, но привилегированную касту; интеллектуальная бригада власти как бы говорила им: «Ребята, мы с вами, но это пока секрет, погодите чуток». Конечно, вторжение было не причиной их поворота к измене в холодной войне, а лишь удобным поводом, моральным прикрытием. В мемуарах западных лидеров еврокоммунизма это говорится открыто: к 1968 г. «развод» с СССР уже назрел, а вторжение лишь сделало этот развод более скандальным – возникла возможность устроить истерику.

Как же формировалось сознание советских людей на последнем этапе существования СССР? После войны обществоведы (включая гуманитариев) получили доступ к огромной аудитории. Причем доступ непосредственный, с воздействием через личное устное общение – очень важный канал убеждения и внушения, помимо печатного слова, кино, радио и телевидения. Помимо вузов, техникумов и школ, где преподавались предметы, насыщенные идеологией, была развернута широкая сеть политического просвещения. В 1947 г. в СССР действовало 60 тыс. политшкол, где обучалось 800 тыс. человек, в 1948 г. уже 122 тыс. политшкол с 1,5 млн слушателей [3].

Огромная армия преподавателей общественных наук и журналистов представляла собой профессиональное сообщество, которое было воспитано и «наполнено» идеологическими штампами и стереотипами, выработанными *элитой* этого сообщества – авторитетными философами, экономистами, социологами и пр. Поддержку им оказывали «деятели культуры», воспитанные и отобранные чиновниками из числа той же элиты⁷.

⁷ То, что некоторым писателям и бардам пришлось работать в системе «самиздата» или разъезжать с концертами по вузам и НИИ, ничего не меняло, у них были высокие покровители, без одобрения которых не было бы ни песен Высоцкого

Но каковы были установки этой элиты, имея в виду ту ее часть, которая не была открыто диссидентской или даже «приемлемо вольнодумной»? Ведь эти установки, даже если они прямо не проговариваются, передаются слушателям и студентам. Долго сопротивляться тому, что слышишь с кафедры или с амвона, человек не может – сил не хватит (кучка бунтарей не в счет, их мягко отсеивали, отодвигая от возможности «когнитивного бунта»).

Вот, например, воспоминание видного и уважаемого философа академика Л.Н. Митрохина: «К тому времени (1958 г.) нам была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки (прежде всего “научного коммунизма”) уверявшей, что советский человек “проходит как хозяин по просторам Родины своей”... Да, Федор Васильевич Константинов... был одной из самых мрачных фигур того времени. Под его началом я работал несколько лет, был заведующим сектором, секретарем партбюро Института, переводил его во время командировки в Вену» [12].

Кажется, это редкая в истории культуры деформация сознания, произведенная перестройкой. Воспоминания Л.Н. Митрохина полны уважения к самому себе. Но, если ему «была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки», из каких побуждений он пробивался вверх по иерархии этой самой науки? Зачем он «был заведующим сектором, секретарем партбюро Института», работал под началом «одной из самых мрачных фигур того времени»? Ведь чтобы после этого на своем примере учить жизни молодежь, должно же было быть какое-то объяснение, какая-то уважительная причина! Можно и шире поставить вопрос: а при других политических режимах разве служение интеллектуала власти не «сопровождается мучительными переживаниями»? Да это одна из сложнейших проблем политической философии. Ведь интеллектуалу при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Эта ситуация не была обдумана. В результате большая часть гуманитарной интеллигенции стала осознавать себя как *двуличную*, а затем и приняла двуличие и обман как норму. Очень многие впали и в *цинизм*.

Самый сложный и большой вопрос, который мы затронем здесь лишь частично, – объяснить, почему в 1970–1980-е гг. большая часть советских граждан оказалась так восприимчива к идеям, которые были «упакованы» в знакомые лозунги социализма и справедливости, но по сути отвергали главные принципы советского жизнеустройства (подробнее этот вопрос обсуждается в [6]). На мой взгляд, психологические защиты против таких идей утратили силу в результате мировоззренческого кризиса, вызванного сменой образа жизни большинства населения в ходе форсированной индустриализации и урбанизации. Этот кризис модернизации требовал преобразования идеократической системы легитимации советского строя, сложившейся в 1920—1940-е гг., которая апеллировала к традиционным общинным ценностям. По выражению М. Вебера, мировоззренческой основой русской революции был общинный крестьянский коммунизм, покрытый, как выразился Ортега-и-Гассет, «тонкой пленкой европейских идей» – марксизмом.

Нередко говорят, что в период сталинизма марксизм был «вульгаризирован» – интегрирован с крестьянским коммунизмом и сильно упрощен. В нем еще сильнее проявилась его «крипторелигиозная» компонента, на первый план вышли моральные ценности и пророчества. Кризис модернизации, напротив, требовал рационализации дискурса власти и кардинального усиления научного начала в идеологии. Для этого требовался «когнитивный бунт», о котором говорил П. Бурдьё, но этот бунт приобрел антисоветский характер. Элита сообщества обществоведов СССР в своих учебниках и установочных книгах и докладах лишь усиливала идеократическую компоненту, в своем кругу оттачивая антисоветские аргументы.

Это с очевидностью проявилось, когда пал СССР. Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин пишут: «Российская культурная и интеллектуальная элита (в отличие от элит в странах Восточной и Центральной Европы 1990-х гг.) оказывается в абсолютном большинстве случаев не способной ни рационализировать проблемы собственной истории (включая их моральное, антропологическое или социологическое осмысление), ни усвоить опыт развития и трансформации других обществ. Причины этой импотенции следует искать в функциях, которые выполняли “образованные” (люди с высшим образованием, “интеллигенция”) в поддержании советской системы, а значит – и в особенностях структуры российского образованного сословия. В отличие от “элиты” в социологическом смысле слова (т. е. группы, чей авторитет связан с наивысшими достижениями в своей профессиональной области и которая задает образцы действия, от носителей культуры и духа рационализации), “интеллигенция” функционировала лишь как обслуживающая тоталитарный режим бюрократия... Ничего другого она, как оказалось, делать не в состоянии» [13].

Но почему же синкретизм общинного коммунизма с марксизмом подавил в большом сообществе дух научной методологии? Никакой тиранией этого объяснить нельзя, наука сохранилась бы и в катакомбах.

Здесь еще требуются исследования, и в них надо учесть важные мысли, которые высказал Г.С. Батыгин. Вот большая выдержка из его статьи: «Бытование идеи в различных текстовых средах обнаруживает в ней содержания, не явленные в чистом виде. В этом отношении справедливо суждение об искажении идеи при ее рецепции в инородной текстовой среде. Проблема, однако, заключается не в осуждении искажения, а как раз наоборот: в понимании искажения идеи как мутации – единственно возможной формы ее существования в данной идейной среде...

Некоторые текстовые “организмы” задыхаются и гибнут при рецепции в инородную среду, другие мутируют, третьи получают все возможности для своего развития. Если так, то аутентичный марксизм создан не столько его великим автором и интеллектуалами-интерпретаторами, сколько неискушенной аудиторией... Парадоксальность ситуации заключается в том, что изощренный, гегелевской пробы, марксистский интеллектуализм предрасположен к профанному бытованию и превращению в бездумную революционную “силу”, т. е. “олитературное” насилие. Для этого текст аутентичного марксизма уже должен содержать в себе элементы релевантной концептосферы – заготовки революционной эмфатической речи...

В таких условиях и народная речь, и политическая демагогия, и официальный язык становятся проводником элитарных идей. В этом отношении элита является свободной от внешнего потребителя, и “социальный дискурс” можно считать элитарным независимо от должностного или материального положения писателя...

Обнаруживая глубокое родство с социальными учениями Просвещения, марксизм обладает огромным объяснительным потенциалом. Ясность и логическая стройность его категориальных схем удивительным образом совмещаются со способностью к версификации. Этим, вероятно, объясняется и многообразие “авторских” исследовательских программ и концепций, разрабатывавшихся в рамках доктрины. Поэтому советский марксизм – не столько доктрина, сколько эзотерический словарь воспитания, который может успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей... Социальные трансформации режима были в значительной степени связаны с “дискурсивной катастрофой” в системе священнокнижнических легитимаций социальных порядков...

Текст советского марксизма предназначался для того, чтобы заучивать его наизусть. “Овладение марксистско-ленинской теорией – дело наживное” – эта общеизвестная формула трактовалась как установка на преодоление заумных философских рассуждений... Философия, таким образом, совмещалась с общенародной склонностью к философствованию и

политической грамотностью, и профессиональное сообщество, занимая достаточно высокие этажи социальной иерархии, непосредственно соприкасалось с “профанным низом”. Лексикон философии и политической теории сводился к прецедентным текстам, аллюзиям и иносказаниям, обозначававшим определенные фрагменты из корпуса первоисточников марксизма» [3, с. 40–41, 54, 57].

Сказать, как Г.С. Батыгин, что категориальные схемы марксизма «удивительным образом совмещаются со способностью к версификации», в контексте нашей темы – не сказать почти ничего⁸. На деле те философы, которые в 1950-е гг. «обратились к истинному Марксу», не то чтобы получили возможность выработать на основе текстов К. Маркса антисоветскую версию среди нескольких. Приняв его категориальные схемы, они неизбежно должны были отвергнуть советский строй как *реакционный* («хуже капитализма»). Именно по этой причине Г. Плеханов и меньшевики отвергли Октябрьскую революцию и даже призывали социалистов Европы к походу против советской России. По этой же причине основные коммунистические партии Западной Европы – Франции, Италии и Испании – заняли антисоветскую позицию и приветствовали ликвидацию СССР (совершив политическое самоубийство, так как эту позицию не поддержала база этих партий). Надо прямо сказать, что главным идейным оружием антисоветской элиты во время перестройки был *антисоветский марксизм* [14]. Он парализовал советских людей, которые с колыбели росли под портретом Маркса.

Рассмотрим сначала главное направление той пропаганды, которую вела элита советских обществоведов и гуманитариев. Затем обсудим и другие блоки смыслов, против которых вела и ведет сегодня пропаганду та же, но уже постсоветская элита. Будем приводить выдержки из текстов авторитетных в научной среде и известных в среде интеллигенции авторов.

⁸ В другом месте он пишет: «Советский марксизм – не столько доктрина, сколько эзотерический словарь воспитания, который может успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей» [3, с. 54]. Точнее было бы сказать «альтернативных советским принципам идей».

Великий поход против СССР

Смена правящей верхушки в ЦК КПСС в 1985 г. позволила антисоветской элите сбросить маску. «Шестидесятники при власти» оказались более агрессивными по отношению к СССР, чем открытые диссиденты. Наверное, настрадались, держа фигу в кармане, будучи обязанными на публике выкрикивать ненавистные слова о равенстве и солидарности.

Совокупность выступлений в научной и массовой печати и публичные выступления ведущих представителей гуманитарной и обществоведческой элиты после 1985 г. показала, что эти люди были объединены довольно четко очерченной общей платформой и ощущали себя именно сообществом. Это идеологически сплоченная группа. Что же служит для них столь эффективной объединяющей силой? Очень коротко я бы сказал так: их соединяет общее прошлое, в ходе которого у них выкристаллизовался фанатичный *антисоветизм* – ядро идейной основы этой группы. Необычным в этой группе было мессианское представление о своей роли как разрушителей «империи зла».

Вот статья-манифест А. Ципко⁹ с красноречивым названием «Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием» (2000 г.). Об обществоведческой элите в нем говорится так: «Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной – и тем самым антикоммунистической – революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследие, сталинистское извращение ленинизма и т. д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир» [15].

Здесь замечательно четко выражено важное и не вполне осознанное в обществе свойство: идейной основой их дискурса была страсть *разрушения*. Именно она соединила интеллектуалов, которые считали себя притесненными советской системой. Но у этого союза и не могло быть никакого позитивного проекта, желания строить, улучшать жизнь людей, ибо у каждого в этом союзе был «свой» враг. Чистый «ленинист» вступал в союз с заклятым врагом марксизма – ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! Понятно, что когда движущей силой интеллектуального сообщества становится страсть к разрушению, судьба миллионов «маленьких людей» не может приниматься во внимание. Эти интеллектуалы – Наполеоны, а не «тварь дрожащая».

А. Ципко продолжает: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции... Но магия катастрофизма, ожидание чуда политических перемен и чуда свободы мешали

⁹ А.С. Ципко – политолог, д-р философских наук. В 1967–1970 гг. работал в ЦК ВЛКСМ, с 1972 г. работает в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (позже Институт международных экономических и политических исследований РАН). В 1986–1990 гг. консультант отдела социалистических стран ЦК КПСС. В 1988–1990 гг. – помощник секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева.

мыслить конструктивно, находить технологические решения изменения системы... Магичность и катастрофичность нашего мышления обеспечивали нам читательский успех, но в то же время мешали нам увидеть то, что мы должны были увидеть как ученые, как граждане своей страны... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дожидаться разрушительных перемен» [15].

Строго говоря, претензии этих идеологов считаться *учеными и гражданами своей страны* необоснованны. Научный тип мышления несовместим с магией, ожиданием чуда и тем фанатизмом, о котором пишет А. Ципко. С другой стороны, делать все, чтобы разрушить военно-промышленный комплекс и государственные структуры страны в момент, когда она ведет тяжелую глобальную войну (пусть и холодную), никак не могут ее лояльные граждане. Это – функция «пятой колонны» противника.

А.С. Ципко так оценивает результаты: «Борьба с советской системой, с советским наследством – по крайней мере, в той форме, в какой она у нас велась, – привела к разрушению первичных условий жизни миллионов людей, к моральной и физической деградации значительной части нашего переходного общества» [15].

Физическая деградация части общества – это, надо понимать, гибель людей. За 1990–2012 гг. в России среднегодовая «избыточная» смертность по сравнению со средней смертностью в 1979–1989 гг. составила 3,52 на 1 тыс. населения, или 503,4 тыс. «лишних» смертей в год. За 23 года реформы эта «избыточная» смерть унесла жизни примерно 11,6 млн человек.

Означает ли эта декларация признание в том, что в целом установки антисоветского сообщества были ошибочными? Нет, А.С. Ципко так не считает. Оценку себе и своим соратникам он дает очень высокую: «Бесспорно то, что это сообщество существует, что оно сыграло громадную роль в духовном обновлении советской России. И, самое главное, бесспорно то, что это сообщество не устарело ни морально, ни физически. Не устарело морально, ибо не утратило моральную, антитоталитарную ориентацию, благодаря которой мы создали то, что создали».

Другими словами, то, что создали реформаторы в 1990-е гг., *хорошо*, и это сообщество будет продолжать в том же духе. Так оно и есть до сих пор. А. Ципко сказал: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции». Но это была и есть магия **перманентной революции**! Эта культурная и даже философская особенность антисоветского гуманитарного сообщества была замечена уже у шестидесятников. «Воздухом свободы» шестидесятники и их духовные потомки подышали только при Горбачеве и Ельцине. Первые же попытки «бюрократов и силовиков» восстановить, хоть в минимальном формате, систему государственного управления после 2000 г. вызвали нарастающую ненависть и консолидацию этих гуманитариев уже на «оранжевой» платформе.

При этом время от времени у членов этой интеллектуальной команды вырываются неожиданные признания. Так, тот же А.С. Ципко пишет в 2008 г.: «Во время одной из телепередач на упрек в несостоятельности российских демократов Юрий Афанасьев неожиданно ответил: “Вы правы, результат реформ катастрофичен, и, наверное, не могло быть по-другому. Мы, на самом деле, были слепые поводыри слепых”» [16]. Ничего себе, признание без всяких последствий. Этак слепые поводыри будут водить нас вечно.

Одной из важнейших фигур в этой команде был философ М.К. Мамардашвили – важнейшей по своему авторитету в среде советской гуманитарной интеллигенции. Литературовед С.Л. Фокин пишет о нем: «По крайней мере, это должны знать русские философы по званию и призванию, что в 50-е годы XX в. в одной из комнат студенческого общежития Московского государственного университета проживали вместе Михаил Сергеевич Горбачев и Мераб Константинович Мамардашвили... Тридцать лет спустя, т. е. приблизительно двадцать пять тому назад фигуры Горбачева и Мамардашвили вновь пересекаются в опреде-

ленном времени и определенном политическом пространстве, когда в 1985 г. бывший сожитель философа становится Генеральным секретарем КПСС, а идеи Мамардашвили начинают триумфальное шествие по страницам советской печати...

Беседы, интервью, редкие статьи мыслителя, авторитет которого прежде не выходил за рамки тесных кругов или кружков московских философов и зачаровал разношерстные студенческие аудитории нескольких московских и тбилисских вузов, в середине 1980-х гг. стали появляться в популярных изданиях, вливаясь в тот поток запрещенной литературы, что обвалился тогда на головы бедных советских граждан.

Таким образом, рафинированные, отточенные до предела философской абстракции, явно антисоветские по своей тяге к элитарности, по-прустовски снобистские, идеи Мамардашвили стали просачиваться в щели и трещины советского общественного сознания приблизительно в то же самое время, когда цельность последнего стала распадаться буквально на глазах под ударами того философского молота, которым крушил советскую идеологию Горбачев, провозгласив политику перестройки, одним из главных инструментов которой стала риторика “гласности”» [17].

Мераб Константинович – человек действительно выдающийся. Я работал с ним в одном институте в течение шести лет, встречались на собраниях, семинарах, совещаниях, в секторе. От него нельзя было услышать никаких критических высказываний в адрес «системы», которыми все вокруг кипело в болтовне сотрудников. Иногда надо было готовить важные записки «наверх», директор звал трех-четырех человек обсудить тему. Один раз мы были вместе: «сверху» спросили, в каком направлении надо изменять социальные формы науки, чтобы они лучше соответствовали внутренней логике научной деятельности. Это близко к теме лекций М.К. Мамардашвили по философии познания. Ждем от него слова, умный человек, много об этом думал. Ничего не сказал, трубкой попыхивал. Не желал участвовать! Это вызвало у всех собравшихся очень тяжелое чувство, даже трудно объяснить – как-то все поникли.

Потом в интервью «Жизнь шпиона» он так объяснил: «Я грузин и философ, с юности я нахожусь во внутренней эмиграции. Я хорошо понимаю, что такое быть шпионом. Необходимое условие успешной шпионской деятельности, а нередко и творчества – схожесть с окружающими... Надо оставаться незаметным, не теряя свободы» [20, с. 353]¹⁰.

Но как раз он был человеком оригинальным, совершенно несхожим с людьми, к которым мы привыкли. Потом он стал давать интервью или вставлять свои рассуждения в лекции – не философские, а чисто идеологические, но наполненные такой ненавистью, какой не чувствовалось даже у Р. Рейгана. Он мог в интервью, рассуждая очень абстрактно о советских людях, сказать корреспонденту: «Теперь вы представляете себе смердящую социальную плоть нашего бытия». Ввернул литературную метафору, но как!

Исследователь творчества Мамардашвили Ю.В. Пуцаев пишет: «Мамардашвили считал советский мир антимиром, миром привидений, антижизнью: “Когда господствует советизм, сама жизнь теряет функцию. Советская жизнь – антижизнь. Ни в одном слове, предложении, позе или действии, характерных для советизма, я не узнаю себя как живого, не чувствую жизни. Там, где советизм, – жизни нет”. Это его максимально критическое отношение к “советизму” распространялось и на Россию в целом, на все русское культурное пространство» [18].

Друг философа Юрий Сенокосов, председатель Фонда философских исследований им. Мераба Мамардашвили, говорит о его отношении к СССР: «В стране, в которой мы живем,

¹⁰ В интервью 1988 г. он дал более мягкое объяснение – все же эмигрант, а не шпион: «Если угодно, я все время находился в некоторой внутренней эмиграции. В Праге я находился в позолоченной эмиграции, потому что там было удобно и комфортно жить, и к тому же это красивый город. А в Москве – во внутренней эмиграции, хотя, когда у меня была возможность делать так называемое прогрессивное дело, я эту возможность не упускал» [11].

есть что-то черное, страшное, непроговоренное, непонятное. Он это постоянно чувствовал, переживал, стремился вывести на какой-то уровень мысли, проговорить. Как астрономы хотят разобраться с “черными дырами”, математики – с иррациональными числами, так же надо понять разумом и эту огромную страну темных чудовищных пятен, дезорганизующих тот образ человечества, что был замыслен и в Евангелии, и в цивилизации Нового времени» [19].

Критика М.К. Мамардашвили в адрес СССР носит темный, пророческий характер. Этим, наверное, и очаровывала утонченную часть интеллигенции, а она уж транслировала его видения в массу – кто как умел.

Вот он пишет: «Советский Союз является государством, полностью контролирующим структуры сознания, так что в нем не может возникнуть ни одного критического вопроса. Чем больше я думал об этом, тем больше понимал, что так сложилось уже давным-давно, что многовековая история России приготавливала марксизм-ленинизм и сталинизм и тот тип государственности, который сложился в Советском Союзе в XX веке...

Революция не более чем формализовала длительную историческую традицию, воссоздав те условия, что некогда произвели ее на свет. Нереальность громоздилась на нереальности. В результате советские люди до сих пор воюют с тенями, получая 48 разрешений, чтобы сделать одну простую вещь, никогда не зная, в чьих руках находится их судьба, и обнаруживая, что на пути любого их усилия по совершению рационального действия встанут все те же страшные тени» [20, с. 169].

Какая нереальность громоздилась на нереальности, какие «встанут все те же страшные тени»? О чем это? Почему в СССР (да и в многовековой истории России) «не могло возникнуть ни одного критического вопроса»? А как же вызрела революция? А как же перестройка? Каких еще критических вопросов надо?

Обычные люди (например, в очереди) ему кажутся «скорпионами в банке» – почему? Это явно дикий перегиб. Он пишет: «Что мы видим вокруг себя, в наших грязных домах, пустых магазинах и в наших людях, лица которых сведены звериным оскалом? Насилие, садизм и отсутствие законности копились десятилетиями и не находили выхода, поскольку существовала монополия государства на насилие и беззаконие. Теперь, когда монополия нарушена или нейтрализована, вся мерзость прет наружу из самых темных уголков человеческого “я”. Если мы и спали в течение семидесяти лет, то отнюдь не невинным сном праведника, пробуждающегося во всей своей красе и чистоте. Во сне мы переродились, выродились. Ведь можно проснуться и насекомым, как один из персонажей Кафки. Вот что происходит в настоящий момент в Москве, Ленинграде, Тбилиси...» [20, с. 345].

Даже такая радикальная и экстравагантная революционерка, как В.И. Новодворская, не говорила о нашем населении с таким отвращением. Почему же с таким восторгом принимали наши интеллигенты изощренные оскорбления от эзотерического философа, которого мало кто и читал? Это еще одна загадка нашего кризиса.

М.К. Мамардашвили утверждает, что со времен Ивана Грозного в России начался распад социальных связей, который завершился в 1917 г. гибелью общества: «Возможен, конечно, представим их распад, распад и появление целых зон распада социальных связей и вытекающего отсюда одичания человека... Например, такую зону распада социальных связей [в России] мы отчетливо имеем в советской истории начиная с 1917 г.: сначала [зона распада] была в Петербурге, а потом сразу, мгновенно (без какой-либо передачи во времени и пространстве – нет этого, потому что это происходит совершенно иначе) идет лавина следствий, все расширяющаяся, потом – все пространство Советского Союза охватившая зона распада общественных связей, социальных связей, т. е. зона отсутствия общества... Я утверждаю, что в 1917 г. произошло коллективное самоубийство общества и государственности» [20, с. 79–80].

Как понимать его категории и термины? «Все пространство Советского Союза – зона отсутствия общества!» Это что – аллегория, художественная метафора или новая оригинальная трактовка понятия *общество*? Как бы удалось в СССР провести индустриализацию, победить мощную систему фашизма в войне и развить науку, сравнимую с западной, не имея ни государственности, ни общества? А ведь М.К. Мамардашвили в лекциях ратовал за строгость мышления, у него даже есть популярное эссе под названием «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». Вот дьявол и сыграл с нами злую шутку с этим «новым мышлением» перестройки.

Апологетика Запада выделялась даже на фоне того прозападного психоза, волна которого прокатилась по элите интеллигенции в 1980-е гг. – в философских кругах М. Мамардашвили даже называли «сверхевропейцем». Но ведь Запад у него тоже был не научным и даже не рациональным понятием, а идеологическим инструментом при тех «превращениях сознания», которые он производил в своих студентах и почитателях.

Ю.В. Пушаев говорит, приводя выдержку из статьи М. Рыклина: «Когда Мамардашвили говорил о Европе, он говорил скорее о Европе идеальной, Европе-символе, существующей преимущественно лишь в его философствовании и выполняющей функции идеальной модели для заблудшей России. Порой сами европейцы не соглашались с такой оценкой Европы: “Я помню, как возмущены были американские и европейские философы Фредерик Джемисон, Вольфганг Хауг и другие участники конференции о постмодернизме в Дубровнике осенью 1990 г., когда Мамардашвили назвал позднекапиталистические общества, в которых они живут и которые безжалостно критикуют, “просто нормальными человеческими обществами”. Никогда, возможно, дистанция между “сверхевропейцем” и западными философами не проявлялась в такой чистоте, как тогда, на пороге распада СССР”» [18].

Для нас важен тот факт, что М.К. Мамардашвили не просто «говорил о Европе идеальной», он совершенно неадекватно очернял Россию как якобы изначально (примордиально) антихристианскую и антикультурную конструкцию: «Русские, куда бы ни переместились – в качестве казаков на Байкал или на Камчатку, их даже занесло на Аляску и, слава Богу, вовремя продали ее, и она не оказалась сегодня той мерзостью, в которую мы ее скорее бы всего превратили, – куда бы они ни переместились, они рабство несли на спинах своих. А американцы несли с собой другое – Великую хартию» [20, с. 331].

Неужели это можно принять как научное или философское суждение – как бы ни относиться к России в рамках рационального мышления? Но ведь большинство гуманитарной элиты России все это принимали и принимают сегодня!

Вот «грузинский Сократ» объясняет французскому коллеге на концептуальном уровне уродство России: «Живое существо может родиться уродом; и точно так же бывают неудавшиеся истории. Это не должно нас шокировать. Вообразите себе, к примеру, некоторую ветвь биологической эволюции – живые существа рождаются, действуют, живут своей жизнью, – но мы-то, сторонние наблюдатели, знаем, что эволюционное движение не идет больше через эту ветвь. Она может быть достаточно велика, может включать несколько порой весьма многочисленных видов животных, но с точки зрения эволюции это мертвая ветвь.

Почему же в социальном плане нас должно возмущать представление о некоем пространстве, пусть и достаточно большом, которое оказалось выключенным из эволюционного развития? На русской истории, повторяю, лежит печать невероятной инертности, и эта инертность была отмечена в начале XIX в. единственным обладателем автономного философского мышления в России – Чаадаевым. Он констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение... По-моему, Просвещение и Евангелие (ибо эти вещи взаимосвязанные) совершенно необходимы... Любой жест, любое человеческое действие в русском куль-

турном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России» [21].

М. Мамардашвили писал, что у грузин «благоустроенные квартиры забиты вещами, высококачественной импортной аппаратурой», делая из этого факта широкий «философский» вывод: «Эта атмосфера отражает самоуважение грузин, которое отсутствует у русских». Он даже усиливает этот аргумент: «Обстановка отражает мое отношение к самому себе. На стол я стелю скатерть, а не газету. Русские готовы есть селедку на клочке газеты. Нормальный, невыродившийся грузин на это не способен ... Мы должны отделиться ... Хватит вместе страдать и вместе жить в дерьме» [20, с. 350].

Разве позволительно философу переходить на бытовой уровень и пускать свои вульгарные оскорбления в пространство общественного сознания! Зачем друзьям Мамардашвили было тиражировать эти злые слова? Ведь они стали политическим фактом, и он не может остаться без рефлексии.

Другой важной фигурой в разработке и тиражировании средств подрыва легитимности СССР в среде интеллигенции был академик АН СССР (по Отделению экономики) А.Н. Яковлев (1923–2005). В обществоведение он врос уже из номенклатуры КПСС. Он вступил в КПСС в 1943 г., учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), работал в Ярославском обкоме ВКП(б). С 1953 г. работал в ЦК КПСС, окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, стажировался в Колумбийском университете (США), 10 лет был послом в Канаде и вернулся в 1983 г. Здесь был назначен директором ИМЭМО, затем секретарем ЦК КПСС по вопросам идеологии, информации и культуры, в 1987 г. – членом Политбюро.

Обладая властными рычагами в важнейших сферах, он до 1991 г. сам публично высказывался сравнительно мало, а действовал внутри правящей верхушки и решал кадровые вопросы. Об этом никак нельзя забывать – чистка кадров была тотальной, без этого никакой Реформации (так А. Яковлев называл перестройку) произвести бы не удалось. Вспоминая 1986 г., американский посол Д. Мэтлок писал: «И еще одно ключевое слово вошло в моду в то лето: “Гласность”. Главную роль на этом фронте перестройки играл возглавлявший Отдел пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который еще накануне XXVII съезда начал обновлять руководящий состав средств массовой информации. Летом 1986 г. он уже докладывал на Политбюро, что “руководящие кадры в этой сфере на 90 % заменены”» [40]¹¹.

Но после 1991 г. А.Н. Яковлев выразил свое отношение к СССР и советскому строю откровенно, и из этого можно понять, как он проводил смену кадров, какие установки давал аппарату и кого поддерживал в сфере «идеологии, информации и культуры». Он пишет о перестройке так: «Перестройка – это объективно вызревшая в недрах общества попытка излечить безумие октябрьской контрреволюции 1917 г., покончить с уголовщиной и безнравственностью власти... Перестройка 1985–1991 гг. взорвала бывшее устройство бытия, пытаясь отбросить не только уголовное начало, но и все, что его объективно оправдывало и защищало, на нем паразитировало: беспробудный догматизм, хозяйственную систему грабежа и коллективной безответственности, организационные и административные структуры бесправия» [39, с. 567, 568].

Иррациональная ненависть академика, который смолоду поднимался по номенклатурной лестнице КПСС, – психологическая загадка. Для нас здесь важнее вкрапления рацио-

¹¹ Погром кадров произошел и в партийном аппарате, и в аппарате управления хозяйством, и в правоохранительной системе. Вот примеры: «В 1986–1989 гг. сменилось 82,2 % секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС». «В 1986–1989 гг. сменилось почти 90 % секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик». «Рекорд был поставлен в сфере кадров корпуса инструкторов райкомов, горкомов и окружкомов. Здесь за четыре года сменилось 123,1 % работников... На 80 % сменили прокуроров, на 60 % – судей. 400 тыс. новых людей влили в милицию» (см. [41]).

нальных суждений. «Перестройка *взорвала* былое устройство бытия!» – вот в чем корень кризиса и бедствия народов.

Какая фальшь – те обвинения, которые бросает советским людям человек, сам всю жизнь (с двадцати лет) бывший идеологическим начальником в той системе, которую он теперь обличает: «Это мы травили и расстреливали себе подобных, доносили на соседей и сослуживцев, разоблачали идеологических “нечестивцев” на партийных и прочих собраниях, в газетах и журналах, в фильмах и на подмостках театров. И разве не нас ставили на колени на разных собраниях для клятв верности и раскаяния, что называлось критикой и самокритикой, т. е. всеобщим и организованным доношением... Слава богу, еще живы многие мои соратники-современники, которые швырнули свое сердце и душу на гранитную стену деспотии. И сказали они тем молодым, что пошли за ними: дышите свободой и поклянитесь именем уничтоженных нами же предков, что свобода – это навсегда, не творите себе кумиров, не лезьте под грязные сапоги сталинокрапии» [39, с. 18].

Это и есть разрушение культуры – так обличать людей, которых ты сам, будучи одним из «правителей страны», учил политграмоте: «Невообразимые преступления, совершенные правителями страны под громкие аплодисменты толпы, неистово мечутся в душе. Хочется верить, что хотя бы в уголочках сознания людей еще живет придушенная совесть, противоречивая и с трудом открывающая глаза, еще коллективизированная и так трудно расстающаяся с рабством» [39, с. 17].

И это – академик, ведущий ученый-экономист! А какова его риторика, когда уже не надо притворяться: «В деревне все еще колхозом воняет. Не дотации колхозам надо давать, а кредиты фермерам. Да еще самогонку пить надо в два раза меньше и в два раза работать больше – и пойдет-поедет... Деревенская общественность, неизменно голосующая за возвращение к “строительству коммунизма”, редко бывает трезвой, но, протрезвев, люто ненавидит “оккупационный режим” демократов, поскольку нет денег на опохмелку. А еще за то, что в России появились более или менее состоятельные люди. Речь идет не о ворах. Речь идет о трудягах, вкалывателях. О тех, кто держит на своем подворье две-три коровы и кормит полдюжины, а то и дюжину поросят. Купил автомобиль, чаще всего подержанный, переживает свой образ жизни, значит – ату его! Кто сначала потный, а потом уже пьяный, но потеет больше, чем пьет, навеки проклят большевиками» [39, с. 628–629].

Вот тебе и демократия XXI в.! Третья фигура, много сделавшая для формирования антисоветской идеологии и внедрения ее в массы, – академик Т.И. Заславская. Она была членом КПСС с 1954 г., президентом Советской социологической ассоциации, помощником М. Горбачева и депутатом Верховного Совета СССР, активным членом Межрегиональной депутатской группы. Она стала членом-корреспондентом АН СССР с 1968 г., на ранней стадии институционализации советской социологии после войны (академиком АН СССР в 1981 г.). Ее слово доходило практически до всего сообщества обществоведов, а только *научных* работников в области исторических, экономических и философских наук в 1985 г. было 163 тыс. человек. Гораздо больше таких специалистов с высшим образованием работало в госаппарате, народном хозяйстве и социальной сфере.

В 1983 г. Т.И. Заславская подготовила доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии» [23]. Его напечатали под грифом «для служебного пользования», но в августе 1983 г. доклад, «попавший в США и ФРГ без обложки», был там опубликован под названием «Новосибирский манифест», его стали передавать на СССР по радио. Доклад этот опубликован, но вряд ли многие его помнят – это типичный для официального советского обществоведения поток слов с туманными намеками на негативные тенденции и с советами «партии и правительству», с одной стороны, «закрутить гайки» для несознательных рабочих и, с другой стороны, уде-

лять побольше внимания разным вопросам. А также предложение учредить новую науку – экономическую социологию. Стоит сегодня этот доклад прочитать – мозги прочищает.

Самые радикальные рекомендации такого сорта: «Сколько-нибудь законченной “модели” нового хозяйственного механизма наша наука пока не имеет, и при современных способах организации исследований в принципе иметь не может... Как показывают наши исследования, социальный механизм развития экономики имеет сложное строение. Подобно тому, как часовой механизм состоит из большого числа взаимосвязанных пружин, колесиков, молоточков и пр., социальный механизм развития экономики состоит из множества, хотя и связанных между собой, но относительно самостоятельных частных механизмов социально-экономического воспроизводства... Решение актуальных проблем развития советской экономики теснейшим образом связано с совершенствованием социального механизма ее развития. Именно здесь сконцентрированы сегодня наиболее сложные проблемы, и именно отсюда следует начинать работу по преодолению негативных тенденций в экономической жизни страны» [23].

Скорее всего, западные «голоса» транслировали этот доклад, потому что началась «раскрутка» академика Т.И. Заславской для свершений в грядущей перестройке.

В 1987 г., когда программа переделки советского государства вступила в решающую стадию, М.С. Горбачев дал определение программы как *революции*: «Перестройка – многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка – это революция.

Думается, у нас были все основания заявить на январском Пленуме 1987 г.: по глубинной сути, по большевистской дерзости, по гуманистической социальной направленности нынешний курс является прямым продолжением великих свершений, начатых ленинской партией в Октябрьские дни 1917 г.» [31, с. 46–47]¹².

Из ведущих обществоведов Т.И. Заславская первая гласно определила перестройку как революцию, т. е. как смену политической и социальной системы. Это был поворотный пункт в перестройке. В книге-манифесте «Иного не дано» (1988 г.) она пишет: «С точки зрения ожидающих решения задач предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) *социальной революцией*. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, *в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами*... Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова *революция*» [22].

Подумайте: главный социолог страны и советник генерального секретаря ЦК КПСС объявляет, что власть погружает страну в *революцию*, что не надо бояться самого слова *революция*, что будут «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами» и «обострение социальной борьбы» – и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежной такую катастрофу. Какие классовые интересы столкнулись в середине 1980-х гг. в стране, где были устранены массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдет «резкое перераспределение» всего?

¹² А.Н. Яковлев дает такое определение: «Мартовско-апрельская демократическая революция [1985 г.] была революцией по содержанию, но эволюцией по форме».

Безответственность такого доктринерства просто потрясает. Все нормы научного дискурса отброшены! И никакого беспокойства в сообществе социологов.

Как же характеризует советский общественный строй главный социолог СССР? Как социальную систему «империи зла»? По сравнению с крамольным докладом 1983 г., распространенным самиздатом, она совершила идеологический поворот на 180 градусов. Советский строй она предлагает заменить «социальным капитализмом» (что означает этот эфемеризм, все прекрасно знают). Не может быть такого поворота в науке, это – поведение идеологического работника.

В марте 1990 г. Т.И. Заславская представила в АН СССР программный доклад, который стал подведением итогов перестройки в оценке ведущего социолога, непосредственно отвечавшего за ее «научное сопровождение». В нем говорится: «Политически советское общество было и остается тоталитарным... Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой...

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише “трудящиеся”. С моей точки зрения, “трудящиеся” составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты...

Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов – люмпенизированы, т. е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей...

Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х гг. и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер...

Больное, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагалось сделать здоровым и социально справедливым. Но идея социального возрождения могла сплотить только прогрессивные силы, заинтересованные в оздоровлении общества... Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную “плату” за приобщение к общечеловеческим ценностям...

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой “социального капитализма”, сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся... Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и “социализированному” капитализму» [24].

В этом докладе даны квалификации советскому строю (не в период сталинизма, а на конец 1980-х гг.), которые прямо обязывали каждого «честного человека» начать непримиримую борьбу против СССР. Сказано, что «политически советское общество (больное, прогнившее) остается тоталитарным». Следовательно, демократизации оно не поддается, политическую систему надо менять. «Социальное противостояние классов носит антагани-

стический характер» – значит, общественный диалог и компромиссы невозможны, «демон-таж тоталитарной государственно-монополистической системы» является «единственно разумной политикой». Советская система – «самый негуманный и антисоциалистический капитализм в мире», и ее надо заменить «цивилизованным капитализмом».

Этот доклад не отвечает нормам научного текста еще и потому, что его тезисы и аргументы радикально противоречат логике. В докладе, в частности, сказано: «Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа “сверху”, но на практике переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами...

Летом 1990 г. мы спросили своих респондентов о том, каковы, по их мнению, главные результаты пяти лет перестройки общественных отношений. Наибольшее число голосов получили ответы: “потеря уверенности в завтрашнем дне” – 43 %, “кризис национальных отношений” – 37 %, “хаос и неразбериха в управлении страной” – 29 %, “углубление экономического кризиса” – 28 %...

Чтобы выяснить, как большинство людей оценивают влияние перестройки на собственную жизнь, был задан вопрос: “Стала ли Ваша жизнь, после того как в 1985 г. к руководству пришел М.С. Горбачев, лучше, хуже или не изменилась?”. 7 % ответили, что их жизнь улучшилась, 22 % – не изменилась, у 57 % стала хуже, 14 % затруднились ответить... Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59 %.

Общественное мнение чутко улавливает тенденцию к усилению социального расслоения: ее отмечают 59–63 % опрошенных. Почти 60 % уверены, что в дальнейшем различия в уровне жизни богатых и бедных будут расти. Когда же мы попытались выяснить, кто имеет наибольшие шансы повысить свои доходы, то на первые места вышли ответы: “богаче станут только те, кто живет нечестным трудом” (46 %), “получать больше станут те, кто сумеет пристроиться на хорошую работу” (43 %), “богатые станут жить богаче, а бедные – беднее” (41 %) ... Только 2–3 % опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция» [24].

Идеолог «*демократической*» перестройки утверждает, что перестройка якобы «переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами». Но ведь по приведенным самой Т.И. Заславской данным большинство опрошенных оценивали перестройку как бедствие, которое будет лишь углубляться в ходе начатой реформы. Какая может быть «революция снизу», когда «только 2–3 % опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция»? Как могли академики-обществоведы, слушавшие этот доклад в Президиуме АН СССР, не заметить крайнего *антидемократизма* принципиальных положений этого доклада?

Называть перестройку «революцией многомиллионных масс» – это новояз в стиле Дж. Оруэлла. В большом докладе Горбачев-фонда по поводу юбилея 2005 г. говорится о «группе поддержки» перестройки: «Новое руководство могло рассчитывать на относительно устойчивую поддержку двух групп отечественной бюрократии. Одна из них – партийные интеллектуалы, чьи взгляды сформировались под сильным влиянием хрущевской “оттепели”. В идеологическом плане они тяготели к “социализму с человеческим лицом” – концепции, отчасти навеянной идеями конвергенции капитализма и социализма. Для них перестройка означала уникальную возможность продолжить позитивные изменения, начатые в годы правления Н. Хрущева и прерванные рецидивом сталинизма в период брежневского застоя. К другой группе принадлежали “технократы” – управленцы советской экономики, которые трезво оценивали ее реальное состояние» [25].

Что же касается народных масс, оказывается, именно они и не дали М. Горбачеву насадить социализм с человеческим лицом. Авторы доклада жалуются: «Реформаторы и интеллектуальная элита Советского Союза оказались неподготовленными к проявлениям

националистических предрассудков, раскола, вражды. Как известно, российский народный анархизм – всегда обратная сторона модели народного же государственничества. Бунтарский, антигосударственный пафос преднамеренно подогревался некоторыми элитными группировками».

Вот еще выдержка из доклада Т.И. Заславской, которая характеризует установки массового сознания: «В конце сентября 1990 г. ВЦИОМ провел опрос общественного мнения об исторической необходимости и итогах Великой Октябрьской революции... Анализ полученных данных позволил выделить четыре типа социально-политических позиций. Два первых типа характерны для 40–50 % взрослого населения страны. Они объединяют людей, считающих: что большевики должны были взять власть (52 %); что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны (39 %); что она открыла новую эру в ее истории, дала толчок ее социальному и экономическому развитию (45 %).

Респонденты второго типа, составляющие 25–30 %, придерживаются несколько иных позиций. Признавая историческую необходимость революции, они осуждают многие действия большевиков... Третья позиция отличается от второй перерастанием критицизма в принципиальное неприятие идей Октябрьской революции. Люди, разделяющие эту позицию, считают, что захват власти большевиками не был исторически необходим (28 %) ... Прямые сторонники перехода страны с социалистического пути на капиталистический составили около 10 %...

В сентябрьском опросе 1990 г. был использован другой вариант того же вопроса: «Каким курсом должен следовать СССР в будущем?». За «отказ от социализма и переход к капитализму» здесь высказались 8 %, за «социал-демократию североευропейского типа, сочетающую черты социализма и капитализма», – 30 %...

Общий вывод заключается в том, что значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным... Есть основания ожидать, что по мере развития рынка и формирования слоя предпринимателей социальный конфликт между ними и основной массой трудящихся будет обостряться» [24].

Какая логика! Половина опрошенных явно поддерживает не просто социализм конца 1980-х гг., но и большевиков, а за «отказ от социализма и переход к капитализму» – всего 8 %. И это академик называет «значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным». Нет предела демагогии у идеологов перестройки.

В десятую годовщину начала перестройки, в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» Т.И. Заславская опять делает главный, программный доклад. Она, в частности, сказала об оценке респондентов: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10 % выбирают ответ, что “дела идут в правильном направлении”, в то время как по мнению 2/3 “события ведут нас в тупик”. Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести» [26].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.